

Шоркин А.Д.

О методологической культуре исследователя

Методологический слой знания, в отличие от знания предметного, где, собственно, и рассказывается о предмете исследования, обычно для ученого не столь уж очевиден. Ученый скорее лишь подразумевает, как должно быть устроено знание, которое он добывает, каковы нормальные ходы обоснования поисковых гипотез, что вообще значит “объяснить” или почему нечто “само собой разумеется”. К подобным вопросам, как показывает история науки, исследователи обращаются в тех случаях, когда сталкиваются с невозможностью решения той конкретной фундаментальной проблемы, которой они занимаются.

Иными словами, методологический уровень знания в мышлении ученого, как правило, латентен, неявен, неосознан, тогда как уровень предметного знания всегда актуален и терзаем систематической рефлексией. Но он составляет невидимую основу предметного поиска, без которой поиск вообще невозможен. Ущербные же методологические основания способны привести к появлению на уровне предметного знания шокирующих некорректностей – наукообразных монстров и “завиральных” догадок. Именно для того, чтобы их было меньше, студентам высшей школы и аспирантам в курсах философии, истории науки и иных дисциплин довольно подробно рассказывается о разных моделях методологии, а также об исторической изменчивости методологических оснований науки.

Конечно, знание – это то, что у нас остается после того, как мы уже все забыли. Однако есть, наверное, какой-то минимальный объем того, что помнить необходимо: меньше него граница с непознанным становится такой уж короткой и незначительной, что человек перестает сознавать собственное невежество. Чем больше человек знает, тем больше у него точек соприкосновения с неизвестным. “Я знаю, что я ничего не знаю”, – так фрондировал эту бесспорность Сократ. Невежество нормально, никто не может знать всего. Но лишь до тех пор, пока оно сознается и систематически устраняется. В противном же случае оно становится агрессивным, воинствующим невежеством: человек защищает свое право знать мало или ничего. Он насмехается, например, над “умниками” или сокрушает все и всякие авторитеты дерзостными концепциями “всего”.

С.В. Полищук с едва скрытым сожалением пишет об “интеллектуалах с учеными степенями” и “светилах науки с мировыми именами”, которые почему-то оперируют такими понятиями, как “случайность” или “хаос”, тогда как “любому цивилизованному человеку” (“в отличие от дикаря”) известно, что за неизвестным нужно просто искать объясняющие его законы. Нет бы спросить себя: “а почему это они, нетупые вроде бы люди, да и знающие, такой ерундой занимаются?”. Глядишь, и открыл бы для себя целый мир синергетики, ставшей на рубеже веков заметной частью новой, постнеклассической методологии науки.

Но тогда автор с неизбежностью пришел бы к другому вопросу: “А на какой парадигме основана моя идея “закона законов Вселенной”, в которой случайности невозможны и где царствует вечная необходимость?”. Изучение соответствующей литературы, разнообразной и многочисленной, подсказало бы С.В. Полищуку, что он строит свою идею на архаичной, классической парадигме механического детерминизма, от которой научный мир отказался лет двести назад. Возможно, автору удалось бы также понять утопичность надежд редуцировать социальные закономерности к биологическим, а последние – к физическим и механическим. Неустрашимость специфики этих разных областей и соответствующих им закономерностей, увы, ставит крест на проекте “закона законов”.

Среди других интересных вопросов, которые мог бы задать себе автор, отметим также такие: “А где записан “генетический код Вселенной?”, “Идея “всеобщего закона эволюции Вселенной” пришла в голову только мне, или в какой-то форме высказывалась раньше, другими людьми?”, наконец, “Как можно обосновать, (доказать, подтвердить) мою идею?”.

Скорее всего, попытка найти ответ на первый вопрос вывела бы автора в теософию, за пределы науки. Поиск ответа на второй вопрос заставил бы С.И. Полищука почитать историко-философские и историко-научные тексты, вывел бы на методологический контекст проблем и, вероятно, привел бы к отрезвляющему шоку. Наконец, третий, собственно методологический вопрос, имеет скрытый для автора ответ: его концепция “нефальсифицируема” (читайте Е. Поппера), т.е. не открыта риску опытного опровержения, а потому и ненаучна.

Конечно, не все, что находится за пределами науки, ущербно: ведь вне науки и искусство, и религия, и обещание, и еще много чего хорошего и ценного. Просто нужно отдавать себе отчет – к какой из сфер относится текст, который Вы создаете. И если уж к науке, то нужно смириться с необходимостью выполнения требований ее методологических оснований.

Плохие научные работы не портят науку – ибо если бы они ее портили, от науки уже ничего бы не осталось. Идея, господин Полищук, по своей сути полиморфна, способна принимать самые разные воплощения. Хорошо, что Вы вынесли слово “идея” в название своей статьи. Считая неудачным данное воплощение идеи, нельзя, однако, считать бесполезными дальнейшие попытки анализа ее методологических оснований и перспективы ее конструктивных переформулировок. Как знать, может быть, в будущем Вам удастся не только испытывать науку на прочность, но и прирастить ее?